

Цинь Мувань переводила взгляд с одного на другого. Лицо Ци Цина выражало явное недовольство, Цинь Аньей же сохранял невозмутимость, однако их руки, крепко сцепленные перед глазами девушки, никто и не думал разжимать.

— Вы собираетесь держать друг друга за руки до самого конца?

Когда дверь снова отворилась, режиссер Ван и несколько человек, стоявших в дверях, стали свидетелями этой сцены. Исполнительница второй женской роли Муронг Сяо, вошедшая следом за режиссером, тоже застыла в недоумении: странная атмосфера, сцепленные руки, причем, судя по всему, они держались так уже довольно долго.

Оба агента, едва переступив порог, почувствовали, что готовы провалиться сквозь землю. Что здесь происходит?

Неужели Ци Цин сейчас выйдет из себя? Зачем он сам нарывается на Цинь Аньей! — внутренне кричала Джули, ее пальцы нервно подергивались.

Неужели Цинь Аньей снова кого-то дразнит? Причем человек напротив выглядит совсем не безобидным. Сяо Ань в душе тоже было несладко.

Агенты обменялись взглядами и виновато улыбнулись.

Режиссер Ван, напротив, развеселился:

— Какие теплые чувства! Только вошли, а вы уже за руки держитесь. Все еще не отпускаете?

Словно от удара током, их руки мгновенно расцепились. Кончики ушей Ци Цина слегка покраснели, а Цинь Аньей остался невозмутим, словно ничего не произошло, — в его поведении сквозило легкое равнодушие.

— Вы шутите, режиссер Ван. Мы только закончили представляться и как раз пожали друг другу руки, — Цинь Аньей виновато улыбнулся, и его мягкая аура постепенно разрядила обстановку.

Безупречная улыбка и манеры, даже движение глаз казались тщательно отрепетированными, не оставляя повода для придилок. Ци Цин мысленно выругался, назвав его лицемером, а румянец на лице стал понемногу сходить.

— Верно, режиссер Ван! Мы ведь впервые собрались вместе для съемок, вот и решили познакомиться, чтобы в будущем легче работалось, — Цинь Мувань поспешила сгладить углы. — Как раз когда господин Цинь и господин Ци закончили знакомство и пожали руки, вы все и вошли.

Режиссер Ван, услышав это, рассмеялся еще веселее:

— Господин Цинь... ах, у нас же теперь два господина Циня!

Цинь Мувань скромно улыбнулась:

— Разве я могу претендовать на такое обращение? Режиссер Ван, зовите меня просто Мувань.

— Не стоит беспокоиться, режиссер Ван, зовите меня Аньюй. Надеюсь на ваши наставления в ходе нашей совместной работы, — Цинь Аньюй был неизменно вежлив и обходителен.

Один — лучезарный, как весеннее солнце, другой — мягкий и утонченный, они смотрели друг на друга как идеальная пара. Ван Юйчан был крайне доволен своим выбором актеров: Цинь Мувань естественным образом воплощала характер Нань Хуэй — утонченная, яркая, добрая и чистая натура.

Что до Цинь Аньюя, то его мягкость и благородная внешность идеально подходили для первой половины жизни главного героя Дун Сяньлиня. Режиссер видел много картин с его участием и не сомневался, что мастерства Цинь Аньюю хватит, чтобы передать и упадок духа, и опустошенность героя после череды жизненных невзгод. Возможно, он даже преподнесет неожиданный сюрприз.

Что же касается Ци Цина, то внешне он был точной копией Чэнь Цайюня, каким его представлял режиссер. Единственное, взгляд казался слишком острым, да и опыта съемок у него не было, что делало его непредсказуемым. Однако, раз уж это сын прославленного актера, вряд ли он будет плох, тем более что в индустрии сложно найти кого-то более подходящего на эту роль.

Сценаристкой была женщина лет сорока-пятидесяти в бледно-лиловом ципао с золотой каймой. Ее грациозная фигура и каждое движение выдавали восточную утонченность и особый шарм.

Она приоткрыла алые губы:

— Это новая редакция сценария, прошу ознакомиться. Если возникнут вопросы или сомнения, можете задавать их прямо сейчас, я на все отвечу.

Женщину звали Чжао Суюань, и она была давним партнером режиссера Вана. Раньше, когда они работали вместе, за каждым классическим фильмом режиссера стоял сценарий Чжао Суюань. Их даже называли легендарной парой киноиндустрии, и все были уверены, что они созданы друг для друга. Но, вопреки ожиданиям, позже оба обзавелись своими семьями и жили счастливо.

Все принялись листать сценарий. Цинь Аньюй просмотрел лишь несколько страниц, в его глазах мелькнула уверенность, а затем он принялся читать внимательнее.

Цинь Мувань, натура впечатлительная, наткнулась на какой-то эпизод и расплакалась так, что Чжао Суюань пришлось с сочувствием протянуть ей платок.

— Эта сцена написана так пронзительно... до слез, — проговорила Цинь Мувань, вытирая глаза. В такой обстановке плакать было, конечно, неловко.

Чжао Суюань лишь улыбнулась, успокаивая ее.

Исполнительница второй роли Муронг Сяо задала несколько вопросов по своему персонажу, на которые сценаристка терпеливо ответила.

Чтение сценария актерами — самый обычный процесс, первый шаг к воплощению образа. Понимание характера, погружение в сюжет — строки текста превращаются в калейдоскоп событий. У каждого свое видение роли, и эти разные взгляды вдыхают в персонажей жизнь, делают их настоящими.

Кино подобно художнику: тщательно прорисовывает детали, искусно соединяет их в цельное полотно, чтобы каждый мог разглядеть глубокий смысл.

Режиссер Ван с удовлетворением наблюдал за ними, но вдруг его взгляд упал на Ци Цина. Тот выглядел то ли сердитым, то ли озадаченным: он поджал губы, пальцы крепко сжимали края сценария, а звук переворачиваемых страниц звучал раздраженно и резко.

Казалось, все одновременно дошли до одного и того же места в тексте. Они то и дело поглядывали на Ци Цина. Атмосфера на мгновение стала напряженной, но разрядилась сдвоенным смешком Муронг Сяо.

Ци Цин выглядел ошарашенным. Цинь Мувань, не обладая такой смелостью, лишь смущенно опустила глаза. Лицо Цинь Аньюя казалось безупречным, с самого начала он сохранял легкую улыбку, но Ци Цин был уверен: он смеется над ним.

— Что случилось, Ци Цин? Есть вопросы по сценарию? — режиссер Ван не понимал, почему все так реагируют. Остальные молчали, скрывая улыбки, и лишь хмурое лицо Ци Цина заставило режиссера беспокоиться. В конце концов, значительная часть инвестиций в фильм поступила от семьи Ци.

Ци Цин вздохнул и, словно сдерживая себя, спросил:

— Если я правильно понял, я играю дурачка!?

— Да. А что такое? — режиссер Ван все еще пребывал в недоумении.

Муронг Сяо уже не могла сдержаться, услышав это признание из первых уст, и снова прыснула со смеху. Ее агент уже несколько раз выразительно посмотрел на нее, но она не могла остановиться. Кто не знает о скверном характере молодого господина из семьи Ци? Она просто ждала возможности посмеяться.

Как бы хорошо ни были воспитаны в семье Цинь, даже Цинь Мувань, глядя на Муронг Сяо, с трудом сдерживала смех, сохраняя лицо лишь из приличия.

Ци Цин был уверен: Цинь Аньюй действительно смеется. Его уголки губ приподнялись еще на градус. Он насмехается над ним — истинный лицемерный дьявол!

Заметив гневный взгляд юноши, Цинь Аньюй слегка кашлянул и произнес:

— Персонаж Чэнь Цайюнь очень яркий. Посмотрите на последние сцены: хотя он и кажется недалеким, это искренний и прямой человек, который умеет любить и ненавидеть, у него чистое сердце. Мне кажется, в этом он очень похож на вас, господин Ци, ведь вы так же всецело преданы музыке.

Цинь Аньюй хвалит его? Ци Цин засомневался.

Режиссер Ван увидел, что лицо Ци Цина заметно смягчилось, и, больше не задавая вопросов, все вернулись к изучению сценария.

Цинь Аньюй не солгал, но умолчал о другом: персонаж был похож на Ци Цина еще и тем, что был избалованным отпрыском богатой семьи с весьма вспыльчивым нравом.

Впрочем, некоторые вещи лучше оставлять невысказанными.

<http://bllate.org/book/21461/2194664>